ИНО-
ДЕТЕКТИВ

РОДЕРИК ТОРП

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

Инодетектив

Родерик Торп

Крепкий орешек

«Алисторус»
1979

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Торп Р.

Крепкий орешек / Р. Торп — «Алисторус», 1979 — (Инодетектив)

ISBN 978-5-00269-161-6

Нью-йоркский полицейский Джон Маклейн, приехавший на Рождество в Лос-Анджелес. Небоскреб могущественной корпорации, захваченный террористами. 74 заложника, среди которых — близкий человек Джона… Что-то знакомое? Да, это завязка бессмертного триллера с Брюсом Уиллисом. Перед вами — роман, который лег в его основу. И хотя киноманы знают фильм наизусть, книга сможет удивить и поворотами сюжета и неожиданным финалом.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-161-6

© Торп Р., 1979
© Алисторус, 1979

Родерик Торп
Крепкий орешек

© Телегина Т., перевод, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

24 декабря

15.49, центральное поясное время

– Вот чего я не понимаю! – кричал шофер такси, стараясь перекрыть стук работающих дворников, – так это о чем думает человек, когда он вот таким образом уродует другого человека!

Он быстро обернулся, взглянув на своего собеседника в ожидании ответа, но в этот момент белый фургон, ехавший впереди футах в тридцати, вдруг резко затормозил, буксуя в море слякоти. Его громоздкий зад неожиданно вырос перед такси, как кит, вынырнувший из глубины моря. Пассажир такси, Джон Маклейн, думавший в этот момент о чем-то совершенно другом, ошеломленно вскинул руки, чтобы защититься; водитель мгновенно среагировал, нажав на педаль тормоза и крутанув руль. Такси дернуло вперед, развернуло и с грохотом боком швырнуло на фургон. Маклейн ударился о косяк дверцы и до крови рассек правый висок. Он весь сжался, ожидая нового столкновения с машиной сзади, но ничего не произошло.

– Черт возьми! – закричал водитель, колотя кулаком по рулю. – Черт!

– С вами все в порядке? – спросил Маклейн.

– Да, – и тут он увидел лоб своего пассажира. – У, дьявол! Проклятье!

– Не беспокойтесь, ничего страшного, – на платке Маклейна расплылось пятно крови размером с почтовую марку.

Водителем был молодой негр с высокими скулами и миндалевидными глазами. Они с Маклейном обсуждали зверства в Африке. Снегопад сделал поездку от гостиницы, расположенной у огромных стальных ворот, в центр города бесконечно долгой. За это время Маклейн успел узнать, что таксист приехал в Сент-Луис из Бирмингема еще холостяком в конце пятидесятых годов, а теперь его сын считался одним из лучших бейсболистов города и играл за команду своей школы.

Подъезжая к аэропорту, попали в пробку: машины тащились, едва не сталкиваясь бамперами, и беседа переключилась на тему насилия. Выруливая с центральной автострады на дорогу, ведущую к аэропорту, водитель завел разговор о случаях нанесения половых увечий, недавно имевших место в Черной Африке. «Ламберт-Филд», – сообразил Маклейн, вспомнив название местного аэропорта в тот момент, когда водитель распространялся об отрезанных мужских членах. Конечно же, не «Линдберг», хотя определенное сходство в звучании с аэропортом Сент-Луиса есть. «Линдберг» расположен в Сан-Диего. Опасный аэропорт. За последние пять лет Маклейн десятки раз прилетал и улетал из Сент-Луиса, но сегодня опять перепутал названия аэропортов.

Теперь у него на лбу зияла кровоточащая рана, а ведь для многих людей мужчина зрелого возраста с рассеченным лбом – это всего-навсего пьяница, едва держащийся на ногах. Безрадостная перспектива, но она ни огорчила, ни разозлила Маклейна. Рана была несерьезной.

Он никак не мог вспомнить, что ему пришло в голову в тот момент, когда произошло столкновение, и это начинало мучить его. Он приложил к ране платок, на котором появилось новое пятно.

– Мне очень жаль, приятель, честное слово.

Маклейн видел, что таксист действительно огорчен. Водитель фургона открыл дверь кабины, высунулся и посмотрел назад. Чувствовалось, что у него нет особого желания выле-

зать и плестись по этому месиву на дороге. Это был здоровенный толстый усатый человек, ни дать ни взять – человек-гора. Полицейские всегда с опаской относятся к таким громилам. У этого и темперамент оказался под стать фактуре: он зло глянул на водителя такси и резким движением большого пальца, не допускавшим никаких возражений, ткнул в сторону обочины. Фургон поехал первым, окатив грязью такси с той стороны, где сидел Маклейн.

– У меня через двадцать минут самолет, – сказал он.

– Хорошо. Этот малый сможет найти меня у аэровокзала. Честное слово, приятель, мне очень жаль. Очень.

Таксист притормозил у фургона, перегнулся назад и опустил стекло с правой стороны. В открытое окно ворвался снежный вихрь, устремившийся в теплое пространство салона, словно его засасывало туда, как в воронку.

– Ставь машину! – заревел громила.

– У пассажира течет кровь, и ему надо успеть на самолет…

– Хватит чушь молоть! Съезжай на обочину!

Маклейн открыл окно со своей стороны.

– Дайте мне доехать до аэровокзала.

Какое-то мгновение мужчина изучающе смотрел на него.

– Не так уж серьезно вы поранились. Вы что, не понимаете, что парень обведет меня вокруг пальца? Съезжай, тебе говорю! – крикнул он водителю такси.

– Он должен успеть на самолет!

– Ты, черномазый, не морочь мне голову, черт тебя побери! Как только он выйдет из машины, ты тут же смоешься!

Таксист нажал на газ.

– Иди ты к черту! – крикнул он. Стараясь закрыть окно, он чуть было опять не справился с управлением. – Я не обязан считаться с этим дерьмом!

– Да он псих, – сказал Маклейн. – Вот моя визитная карточка. Следующие десять дней я буду в Калифорнии, затем вернусь на восток. Если у вас с этим типом будут неприятности, я дам любые показания в вашу пользу.

– Меня беспокоит не то, что будет потом, – ответил водитель, – меня волнует настоящий момент.

– Пока я в машине, – ободряюще сказал Маклейн, – у нас есть козырь про запас.

Водитель посмотрел в зеркало.

– Он выехал на дорогу. Вы что-то вроде полицейского?

– Теперь, скорее, консультант, – Маклейн в очередной раз приложил платок ко лбу. – Важно, что у меня есть оружие. Это делает меня лицом официальным.

– Боже! Никогда бы не подумал. Послушайте, мне всегда хотелось знать: как вы проносите эту штуку в самолет?

– У меня есть специальный документ. Его нельзя подделать.

– Ну конечно же, документ, я так и думал. Забавно, как в рекламе. «Вы узнаете меня?» – спросил он, передразнивая актера в рекламном ролике, и растопырил пальцы рук, изображая пистолет. – Это же самый что ни на есть настоящий «Американский экспресс».

Маклейн усмехнулся:

– Придется запомнить.

Кровь уже почти не текла, но теперь у него стучало в висках, все сильнее и сильнее. Движение на дороге стало не таким интенсивным. Водитель посмотрел в зеркало над лобовым стеклом, затем перевел взгляд на зеркало на дверце.

– Вон он едет.

Фургон двигался слева от них. Его водитель так развернул машину, что ее чуть не занесло на такси. Маклейн опустил боковое стекло.

– Не мешай, приятель, пожалуйста. Дай человеку доехать до аэровокзала! – крикнул водитель.

– Эти ребята сами себе мешают, – сказал Маклейн, наслаждаясь старым сленгом. Как у большинства чернокожих, у водителя такси был языковой дар – вот ведь, хотел же он знать, о чем думает человек. Маклейна в данном случае поразил его выбор слов. И тут он вспомнил то, чем была занята его голова до инцидента. – Я офицер полиции, – крикнул Маклейн громиле. – Дайте мне доехать до аэровокзала!

– Я уже сказал черномазому, чтобы он не морочил мне голову! То же говорю и вам! – проревел водитель фургона и так крутанул руль, что фургон опять поехал буквально впритирку к такси. Маклейн припомнил вот такого же малого, который отбивался от десятка полицейских в одном из кегельбанов в Нью-Джерси, швыряя в них шары, словно дыни. Трудно сказать, насколько необуздан нрав у этого. Маклейн достал свой 9-миллиметровый Браунинг, убедился, что он стоит на предохранителе, и выставил его в открытое окно, размахивая перед носом водителя фургона. Браунинг был оружием профессионалов: тринадцать патронов – в магазине, есть место еще для одного – в патроннике, но оно сейчас пустовало.

Громила понял, что Маклейн не шутит. Он закатил глаза и высунул язык, загнув его, как канапе. Парень, видимо, решил, что сейчас Маклейн выстрелит ему в лицо… чтобы успеть на самолет.

– Он будет ждать вас у аэровокзала! – крикнул ему Маклейн.

Водитель фургона замер, боясь пошевелиться. Таксист прибавил скорость, слегка задев фургон.

– Боже, – выдохнул он.

Маклейн дрожал, его подташнивало. Он мог попасть в настоящий переплет – во всяком случае, без серьезного объяснения не обошлось бы.

– Я дал маху, – сказал он быстро водителю. – Было всего-навсего небольшое дорожное происшествие. Если он попытается запугивать вас, мы скажем, что первым он напал.

– Ладно, приятель, не беспокойтесь. Я не видел никакого оружия.

Маклейн достал из бумажника двадцать пять долларов. Сквозь падающий снег стал виден извилистый съезд к аэропорту.

– Значит, в Калифорнию? – спросил водитель. – Мне ни разу не посчастливилось побывать там.

– Собираюсь навестить дочь в Лос-Анджелесе. Потом прокачусь по побережью до Юрики повидать старого друга.

– Ваша дочь замужем?

– Разведена. У нее двое детей. Ее мать умерла, но мы тоже были в разводе. Развелись задолго до ее смерти.

– Значит, вы будете со своей семьей, – сказал водитель. – Это очень важно. Я тоже буду с семьей. Этот инцидент на дороге не испортит мне Рождества. Вы знаете, мне никогда особенно не везло на Рождество. Когда я был маленьким, мой отец обычно напивался и бил меня. А это никому не понравится…

Над крышей аэровокзала пролетел «Боинг-747», закрыв своей громадой молочно-белое небо и заглушив последние слова водителя. Подкатил фургон, водитель которого устало и сердито смотрел на них. Маклейн достал из бумажника еще десять долларов, затем, подумав, – личный знак, который позволит ему пронести заряженный браунинг на борт самолета. На оружие у него было разрешение, а вот жетон был ненастоящий. Это был жетон нью-йоркского детектива, подаренный друзьями из сыскного отдела; на оборотной стороне его было выгравировано: «Этот человек – мошенник». Маклейн просунул двадцать пять долларов на переднее сиденье.

Водитель остановился у тротуара и сбросил показания счетчика.

– Нет, нет, приятель, эта поездка – за мной.

– Счастливого Рождества, – сказал Маклейн, засовывая ему деньги. – Желаю хорошо провести праздники.

Водитель взял деньги. Фургон припарковался перед такси. Служащий аэровокзала открыл Маклейну дверь. Вылезая из машины, Маклейн дал ему десять долларов.

– Быстро позовите полицейского. И возьмите багаж, я лечу в Лос-Анджелес.

– Хорошо, сэр. Я попрошу кого-нибудь зарегистрировать ваш багаж. Счастливого Рождества.

У Маклейна отлегло от сердца. Сегодня утром в передаче «Доброе утро, Америка» сообщили, что в Лос-Анджелесе 26° по Цельсию. Полицейский протиснулся сквозь толпу пассажиров у регистрационной стойки и направился к автоматическим дверям. Маклейн поднял руку, показывая, чтобы он не выходил.

– Оставайтесь на месте, – крикнул он водителю. – Счастливого Рождества!

– И вам тоже. Спасибо за помощь. Приятного полета.

У Маклейна было чувство, что он бросает парня на произвол судьбы. В здании аэровокзала он показал полицейскому, тоже чернокожему, свой личный знак. Под пластиком удостоверения лежал жетон, сделанный из таинственного сплава редких металлов и тускло мерцающий сейчас в свете аэровокзала.

– Да, все в порядке. Я вас знаю, – полицейский по имени Джонсон посмотрел через плечо Маклейна в направлении улицы и спросил: – В чем дело?

Маклейн объяснил, что во время инцидента он находился в такси, а водитель фургона разошелся и буянит.

Полицейский Джонсон пристально посмотрел на Маклейна:

– Вы угрожали ему оружием?

– Я предупредил его, что у меня есть оружие, – солгал Маклейн.

Полицейский улыбнулся и взглянул на такси:

– Неплохо звучит. А этот парень подтвердит ваши слова? Ладно, это я сам выясню.

Маклейн широко улыбнулся.

– Честное слово. Могу поклясться. Ну вот, опять течет кровь.

– Вам необходимо заняться раной. Идите и не волнуйтесь. Счастливых праздников.

– Вам тоже, – Маклейн держал в руке личный знак, чтобы показать его офицеру у металлодетектора. Он в очередной раз промокнул лоб – на платке расплылось четыре больших пятна. Он посмотрел на себя в зеркало, выставленное в витрине магазина подарков. Действительно порез, но неглубокий, менее полудюйма в длину. Что-то по-прежнему не давало ему покоя. Офицер у металлодетектора тоже был чернокожим. Лопес, Р.А. Отец – испанского происхождения, а мать – негритянка? Такие браки чаще встречаются в Лос-Анджелесе. На долю секунды ему показалось, что он ступил в Зазеркалье, отчего у него кругом пошла голова.

– Каким рейсом летите?

– Девятьсот пятым, на Лос-Анджелес. Лечу первым классом – решил сделать себе рождественский подарок.

– Полет будет чертовски сложным для того, кто попытается захватить и угнать самолет. В экономическом классе до Сан-Диего летят двое из береговой охраны, а вместе с вами в первом классе – начальник федерального управления полиции.

– Куда важнее, чтобы он знал, кто я такой.

Офицер Лопес беззвучно рассмеялся.

– Придется сообщить. А что с вами случилось? Поскользнулись?

– Так, ничего особенного. Небольшое происшествие.

– Счастливого полета. Посмотрим, сколько вам понадобится времени, чтобы вычислить начальника управления.

– Спасибо за приятную перспективу. Люблю загадки.

Часы в зале регистрации показывали 16.04. Пассажиры все еще стекались к центральной стойке. Маклейн спросил служащего, успеет ли он позвонить в другой город.

– Вы просидите здесь еще несколько минут, сэр. Полет отложили на полчаса из-за неисправностей в аппаратуре, пытались доставить новую из Сент-Луиса. Мы закроемся к восьми часам.

– Но не может случиться, что мы сегодня не улетим?

– Нет, – ответил служащий таким тоном, словно Маклейн задал ему идиотский вопрос.

Оператор мгновенно зарегистрировал номер кредитной карточки Маклейна и соединил его с абонентом. К телефону подошла секретарь дочери.

– Мистер Маклейн, она еще на ленче. Вы летите тем же рейсом?

Он совсем забыл о разнице во времени.

– Да, тем же, но мне кажется, что вылет задерживается. У нас метель. Но я не поэтому звоню, – он не знал, стоит ли продолжать. – По пути в аэропорт я попал в небольшую аварию… Я не пострадал, но поранил лоб…

– О, бедняжка. Как вы себя чувствуете?

– Пережил небольшое потрясение, но все обошлось. Я не хочу, чтобы Стефани – миссис Дженнаро – огорчил мой вид.

– Я предупрежу ее, не беспокойтесь.

В телефонную будку постучали. Это была помощник по полету, женщина тридцати пяти лет, ее крашеные волосы интенсивного соломенного цвета были уложены в стиле времен Кеннеди. На табличке с именем он прочитал, что ее зовут Кэти Лоуган. Увидев, что он смотрит на нее, она ослепительно улыбнулась – пожалуй, по-юношески задорно – и в знак приветствия едва заметно кивнула головой. Маклейн попрощался с секретарем, предварительно терпеливо выслушав ее пожелания счастливого полета, повесил трубку и открыл дверь. Кэти Лоуган проговорила с присущей ее профессии жизнерадостностью:

– Мистер Маклейн? Вы готовы? Мы все ждем вас.

* * *

Прошло еще сорок пять минут, прежде чем самолет стал выруливать на взлетно-посадочную полосу. Маклейн должен был оставаться на месте, но Кэти Лоуган принесла ему несколько влажных и сухих бумажных салфеток, свое зеркальце, пластырь и две таблетки аспирина. Узнав, что он летит повидаться с дочерью, она смягчилась, ее поведение стало менее официальным. Это доказывало, что она была неплохим детективом. Он не носил кольца, но мужчина не может ехать на Рождество на встречу с дочерью один, без жены, если он, конечно, женат. До настоящего знакомства с ним было еще далеко, даже если он расскажет о себе все. Она была одинока, чувствовала, что стареет, и это немного пугало ее. Маклейну были знакомы эти страхи, поэтому тем, как она кокетливо назвала свое имя, она понравилась ему еще больше.

Самолет был полон, словно это был южный пассажирский поезд, а не авиалайнер, совершавший перелет через половину континента. Пассажир, сидевший у окна, уткнулся в журнал. Нет, это не начальник федерального управления полиции. Слишком мелковат и жидковат, чтобы сдать экзамен по физической подготовке.

Помогая обрабатывать рану, Кэти Лоуган сообщила, что буря бушует до западных границ Айовы, поэтому в первый час полета самолет будет ужасно болтать и она не разрешит Маклейну встать с места, чтобы привести себя в порядок в туалете. Сосед слышал их разговор, и Маклейн увидел, как он еще крепче вцепился в свой «Ньюсуик».

С начала войны, на протяжении более чем двадцати лет, Маклейн был летчиком. Последней моделью, которую он освоил перед самым увольнением со службы, была «Сессна-310».

Теперь авиация заботила его не больше, чем любого другого постоянного пассажира, но он знал, что последнее поколение самолетов было самым безопасным. Реальной проблемой сегодня являлась человеческая ошибка.

Что касается воздушного пиратства, то, хотя на протяжении многих лет в США не было зарегистрировано ни одного случая угона самолета, но на борту было достаточно оружия, чтобы перебить всех пассажиров в салоне для некурящих. Маклейну было интересно, знал ли начальник федерального управления полиции, летевший этим же рейсом, что второй вооруженный пассажир первого класса участвовал в разработке программы, в соответствии с которой и была введена его должность. В самый разгар воздушного пиратства Маклейна консультировали специалисты федерального авиационного управления, а теперь он сам оказался в ситуации, которой по разработанной им программе быть не должно: в самолете слишком много оружия. Программа разрабатывалась давно, и он не знал, какие изменения были впоследствии внесены в нее, и кто имел право проносить оружие на борт самолета, поэтому он чувствовал себя совершенно неподготовленным, – как офицер береговой охраны в вопросах экономики. Вот так: избыток оружия и отсутствие должной подготовки. Он испытывал нервозность оттого, что слишком много знал.

Самолет должен был взлетать вторым. Мимо пронесся и растворился в темноте «ДС-10» с острым, как у дельфина, носом, но еще долго слышался приглушенный рев его двигателей. «Боинг-747» стал выезжать на полосу, и Кэти Лоуган появилась рядом с ним, стараясь удержать равновесие, пока самолет, раскачивало при движении.

– Не хотите выпить что-нибудь, прежде чем мы поднимемся в воздух? Двойное виски?

Он улыбнулся.

– Я вас разочарую. Можно кока-колу? С сахаром?

– Конечно.

Пилот направил самолет на полосу в тот момент, когда Кэти Лоуган вернулась с кока-колой на подносе. Она еще раз улыбнулась ему и поспешила на свое место у винтовой лестницы, ведущей на второй этаж. Очевидно, сознание того, что он был пьяницей, решившим пока воздержаться от возлияний, не испугало ее. Пилот разогнал самолет. Пробежав половину взлетной полосы, самолет задрал нос, который напоминал теперь повисшую в воздухе перекладину качелей. Затем задние шасси оторвались от земли, и они взлетели.

Маклейн как раз пытался понять, почему он путал аэропорты «Ламберт» и «Линдберг», когда водитель такси задал ему тот, столь поразивший его, вопрос и вынудил Маклейна переключить на него все свое внимание. Он уже был готов ответить водителю, что не знает, о чем думает человек в такой момент, как вдруг понял, что на самом деле знает.

Много лет назад, будучи молодым детективом, он расследовал дело, по которому проходила жертва с отрезанным членом. Маклейн ухватился за версию, построенную на уликах, которые лежали не поверхности. Преступника долго искать не пришлось: все указывало на бродягу с уголовным прошлым, сожителя жертвы.

Многочасовые допросы сломили бродягу, которого звали Тесла, и он сознался. Это было время, когда людей отправляли на электрический стул каждую неделю. Теслу приговорили к смерти, и вскоре он был казнен.

Благодаря этому делу Маклейн в третий раз в жизни оказался в центре внимания широкой общественности. До войны он был молодым полицейским, но уже успел побывать в перестрелке, в которой было убито трое, в том числе – напарник Маклейна. Потом он служил военным летчиком, воевал в Европе, сбил двадцать немецких самолетов, и этого оказалось достаточно, чтобы один нью-йоркский издатель предложил ему написать книгу. Участие Маклейна в расследовании дела Теслы, привлекшего всеобщее внимание подробностями жизни гомосексуалистов и фактом нанесения жертве ужасных увечий, стало настоящим событием для средств массовой информации, причем задолго до того, как подобным явлениям

был вынесен суровый приговор общественного мнения. Вскоре после этого личная жизнь Маклейна дала трещину, и он оказался в тупике, как многие в подобном положении.

Шесть лет спустя, когда Маклейн руководил частным сыскным агентством, к нему обратилась молодая беременная женщина с просьбой расследовать смерть ее мужа, который спрыгнул или упал с крыши здания на ипподроме. Полученные в ходе расследования сведения странным образом переплелись с обстоятельствами личной жизни Маклейна и вновь привели его к делу Теслы. Оказалось, что Маклейн обрек на смерть невиновного.

Истинным убийцей был тайный гомосексуалист, скрывавший свои наклонности, не желавший мириться с самим собой и снедаемый ненавистью к самому себе. Его жертва, Тедди Лейкман, сожитель Теслы, был проституткой в баре для голубых. Вечером на квартире Лейкмана, когда несчастного Теслы не было дома, ситуация вышла из-под контроля и убийца не смог совладать с собой.

Он до смерти избил Тедди Лейкмана и размозжил ему голову какой-то керамической штуковиной. Однако в драке Лейкман оцарапал ему шею и частички кожи остались у него под ногтями. Решение, которое принял убийца, созрело в глубине его души. Он отрезал пальцы Лейкмана, а чтобы сбить с толку полицию, отрезал и половой член. Уловка удалась, поскольку никому и в голову не пришло, что нанесенные увечья были ничем иным как криком души человека, ненавидевшего самого себя.

Этот чудовищный поступок, совершенный с целью обезопасить себя и скрыть улики, в конце концов, оказался бессмысленным. Шесть лет спустя убийца покончил с собой.

Однако незадолго до смерти он оставил неопровержимые доказательства крупнейшего мошенничества, с которым правоохранительным органам города когда-либо приходилось иметь дело со времен Босса Твида.

Наибольшие страдания выпали на долю вдовы преступника. Простая уличная девчонка, она хотела, чтобы все узнали правду, а она видела связь между тайными страданиями своего мужа и процветанием его сообщников. Ей хотелось, чтобы люди знали, что воровство только отягощает и без того нелегкую жизнь бедняков.

Но ничему этому не суждено было сбыться. Всем соучастникам преступления удалось уйти от тюрьмы. Вместо того чтобы сконцентрировать внимание на афере с жильем, газеты ухватились за старое дело, вспомнили о подвигах Маклейна во время войны, и пошло-поехало. Когда в скандальной хронике появились намеки на роман между неким детективом и его клиенткой, Норма переехала в Сан-Франциско, и Маклейн больше не видел ее.

Путаница с аэропортами «Линдберг» и «Ламберт» началась именно в те годы, когда ему было так неуютно в личине знаменитости, надетой на него средствами массовой информации. «Счастливчик Линди», – не раз называл он себя в отчаянии. Как и убийца, которому удалось обвести его вокруг пальца, он вел двойную жизнь и боялся признаться себе в этом. Его семья разваливалась, и, конечно же, он так и не распутал то важное дело, хотя до последнего времени не знал этого.

Что чувствует человек, о чем он думает? Ни о чем. В такие моменты разум и тело действуют заодно. «Там, в пустоте, – подумал Маклейн, – лежит загадка истории».

15.10, горное поясное время

Прогноз погоды был неверным. Сплошная облачность наблюдалась на всем пути до Скалистых гор, и теперь, когда солнце опускалось за горы, бескрайнее клубящееся покрывало окрасилось в синевато-серый цвет. «Боинг-747» летел на высоте тридцать восемь тысяч футов; отсюда Скалистые горы напоминали заснеженный архипелаг, затерявшийся в фантастическом неведомом океане.

Маклейн по-прежнему любил летать, и, к своему удовольствию, теперь он проводил в воздухе больше времени, чем раньше. Он знал, что не доживет до того момента, когда сможет

полететь в космос, но иногда начинал гадать, а насколько ему удастся приблизиться к этому времени, прежде чем он умрет. В глубине души у него еще теплилась надежда совершить путешествие в Европу, и только для того, чтобы лететь на «Конкорде». Его старый приятель Билли Гиббс, который во время войны летал ведомым и теперь жил в Юрике, за тридцать лет ни разу не летал самолетами. Маклейн видел, как он выделывал, «бочки» над Ла-Маншем и при этом ревел как дикарь, но после войны Билли Гиббс навсегда расстался с авиацией. Шекспир утверждал, что за наши ошибки в ответе не звезды, а мы сами. Все, что мы делаем, все, что с нами происходит, является результатом побуждений, в которых большинство людей даже не отдает себе отчета и тем более не понимает.

Когда стихла обеденная суматоха, он прошел в конец самолета в служебное помещение, чтобы получше познакомиться с Кэти Лоуган. Теперь, после того как она обслужила всех своих пассажиров, Кэти выглядела уставшей.

– Спасибо за помощь.

– Привет. Аспирин помог?

– Да. Вы просто специалист по пластической хирургии.

Она внимательно посмотрела на его лоб.

– Нет, выглядит не очень красиво.

– Как вы нашли меня в аэропорту?

– Вы ведь полицейский, правда? Мне позвонили из аэровокзала и дали знать о вас. Офицер сказал, что у вас порез, но я искала человека с оружием. Это был тест.

– И что вы получили за него?

– «Отлично».

Он вспомнил, что в самолете летит начальник федерального управления полиции. Обычно, когда перед ним стояла подобная задача, он успевал решить ее до того, как самолет набирал крейсерскую скорость. Как предписывали правила, разработанные самим же Маклейном, Кэти Лоуган не должна была говорить ему, кто из пассажиров – начальник федерального управления.

– Хотите еще кока-колы?

– Да забудьте вы о своей работе.

– Она мне не мешает. А можно спросить, чем вы занимаетесь?

– Я консультант по вопросам безопасности и разработке полицейских процедур. Только что провел трехдневный семинар в «Макдоннел-Дуглас».

– Не скромничайте. Я знаю, что вы очень большой начальник.

Он широко улыбнулся.

– Меня зовут Джон.

– Кэти. Вы давно бросили пить?

Он попытался скрыть удивление, пораженный ее прямотой.

– Давно. Но я не был горьким пьяницей. Нагружался до бесчувствия только на ночь. Бросил пить, когда стал замечать за собой желание надраться за ленчем. Но не сразу. Катился по наклонной, пока однажды не очнулся в окружной тюрьме города Кларк. Это в Лас-Вегасе.

– Я знаю.

– Удивлены?

– Теперь нет. Мне это даже начинает нравиться.

Самолет качнуло от очередного натиска ревущей непогоды. Она улыбнулась:

– Вы напоминаете мне одного боксера, с которым я была знакома когда-то…

Он рассмеялся:

– Перестаньте!

– Нет, не перестану. Так вот, он всегда был такой же вежливый и вкрадчивый. Никогда не навязывался другим.

– А каковы были его успехи на ринге?

– Он был чемпионом мира во втором полусреднем весе.

Она смотрела в его улыбающиеся глаза. Знакомство продвигалось трудно, но это ничего, все равно приятно.

Он бросил взгляд на лед, плавающий в стакане, а когда снова поднял глаза, увидел, что она беззвучно смеется над ним.

– Но я не это хотела сказать. Я имела в виду, что он был робкий.

Кэти Лоуган была совладелицей кооперативного дома на побережье к северу от Сан-Диего, у нее была студия со спальней на втором этаже, с камином и застекленной крышей. Звучало красиво. Он жил в пригороде Нью-Йорка в заурядной квартире, а большую часть времени проводил в мотелях штатов Вашингтон и Вирджиния. Он бывал на побережье, но опять же останавливался в мотелях Пало-Альто. Дважды он приезжал в Санта-Барбару. К счастью, она летала на восток через неделю и, поскольку находилась дома в течение семи дней, когда могла ухаживать за своими цветами и поливать их, ее рабочее расписание не создавало ей проблем.

Он верил ей. Она была прирожденной калифорнийкой, полной яростного оптимизма, свойственного всем жителям штата. Она выросла на побережье.

– В ранней юности я не была хиппи, но придерживалась довольно свободных правил. Я долго жила в соответствии со своими представлениями о свободе; так меня занесло на первые выступления Синатры в Лас-Вегасе в качестве очередной подружки чемпиона. Весело было, – ветер яростно ударил в дно самолета. – Я бы с радостью забыла все годы правления администрации Никсона, на которые пришлась моя бурная молодость. Не знаю почему, но вся моя жизнь была сплошное дерьмо.

– Таксист в Сент-Луисе сказал, что Рождество для него – всегда сплошное мучение. Что ж, врезавшись в фургон, он в очередной раз подтвердил это.

Она посмотрела на его пластырь.

Когда Стефани была маленькой, они с Карен называли пластырь, которым заклеивали ее ссадины, «боевыми орденами». Кэти Лоуган почувствовала, что на мгновение он ушел в себя.

– В этом году я собираюсь навестить друзей, – сказала она. – А сегодня везде зажгу свет и буду смотреть телевизор.

– Счастливого Рождества, Кэти.

– Спасибо. И вам счастливо.

Второй девушке нужно было приготовить напитки для пассажиров салона на втором этаже, поэтому Маклейн отошел в сторону и посмотрел в иллюминатор на снег, вихрем срывавшийся с остроконечных горных вершин. Люди не могли существовать там, за бортом самолета, а здесь они спокойно летели на большой высоте, сытно пообедав, с напитками в руках, и единственное, что нарушало тишину, – их громкие разговоры.

Книги по географии, которые Маклейн читал в детстве, заставили его поверить, что Скалистые горы являются величайшим непокоренным чудом природы Америки. Реклама обычно сообщала, что цены к западу от Скалистых гор несколько выше. Маклейн помнил, что он писал Карен во время войны, делясь своими мыслями о будущем мире. Конечно, никто не мог сказать, каким он будет. А теперь ему приходится жить в соответствии с законами этого мира, как выразилась калифорнийка Лоуган, подбирая слова, чтобы точнее передать смысл, как это делал и шофер такси, когда они ехали сквозь снегопад в Сент-Луисе. Во многих отношениях это была все та же Прекрасная Америка, что и всегда. Роберт Фрост объяснил это, сказав, что мы стали частью этой земли и навеки принадлежим ей, – вот тот внутренний стержень, определявший суть таких людей, как таксист и Кэти Лоуган: они были искренними перед самими собой, свободными и не считали себя незначительными – все это составляло лучшие черты национального американского характера.

В сплошной облачности появился просвет, и стало видно, как пустыня растворяется в фиолетово-лиловом мареве сгущающихся сумерек.

Когда у Кэти Лоуган снова появилась свободная минута, они возобновили разговор. Он поделился своими планами проехать по побережью.

– Маршрут номер один, – сказала она и настоятельно посоветовала ему в субботу позавтракать в Санта-Крусе, но не захотела объяснить почему.

Разговор продолжался. Кэти свой отпуск представляла так: провести неделю в Коне, в основном провалявшись на пляже. Она постоянно давала себе обещания обязательно отправиться в какое-нибудь путешествие, но до этого дело никогда не доходило. Джон подумал, что не имеет смысла объяснять ей, что его отпуск состоял из конференций, съездов и семинаров, которые заносили его в такие уголки мира, о которых ему даже не хотелось вспоминать.

Внизу появилось озеро Мид, в водной глади которого отражалось небо, и плотина Гувера, сверху напоминавшая крошечный светящийся полумесяц. На севере показался Лас-Вегас, переливаясь слабо мерцающим сиянием и ослепительно яркими вспышками огней. Он мог бы многое рассказать Кэти о Лас-Вегасе, но с этим можно подождать.

Маклейн записал номер ее телефона. Он позвонит завтра вечером и попросит встретить его в Сан-Франциско. Может быть, он кажется ей слишком пассивным и неинтересным? Он подумал, что она знает Сан-Франциско лучше, чем он, и что она из тех женщин, которые стремятся сохранить дружеские отношения с мужчиной. Все это могло показаться занудством для особы, жаждущей любовных утех, или для сорокалетнего холостяка, только что сбросившего путы неудавшегося брака, но он всегда был таким и ничего не мог с собой поделать.

Двигатели постепенно сбрасывали мощность, и теперь были едва слышны; самолет стал снижаться, и опытный глаз различал медленно приближающуюся пустыню, плывущую навстречу самолету, словно огромный лифт.

– Я лучше сяду. Завтра у вас будет хороший день. Думаю, мы подружимся, нам будет хорошо вместе.

Она смотрела на него.

– Мне бы очень хотелось этого.

Маклейн прикоснулся к ее руке. Это был непроизвольный, неосознанный жест прощания. И пока он раздумывал, насколько далеко зашел в своих действиях, она решительно шагнула к нему, чему удивилась не меньше его самого. Он поцеловал ее. Они были одни. Их никто не видел. Когда они отступили друг от друга, Кэти вспыхнула от возбуждения.

– До завтра, – сказал он и подмигнул.

Она засмеялась:

– Пока!

Он вернулся на свое место и только теперь вспомнил о начальнике федерального управления полиции. Этот человек мог знать его. Как он расценит поведение Маклейна? От этой мысли Джону стало не по себе. При данных обстоятельствах он не может смотреть по сторонам и пытаться вычислить начальника. Если инцидент в Сент-Луисе и его последствия уже получили огласку, то у этого парня может возникнуть желание сообщить куда надо, что Маклейн больше часа обхаживал одну из стюардесс. Мы бессильны даже в малой степени изменить отношение людей к подобным вещам. Поначалу Маклейну казалось, что все это сумасшествие началось в тот момент, когда такси свернуло на дорогу, ведущую в аэропорт, но теперь он наконец понял, что находится на ногах с самого утра, и это после трех дней напряженной работы. Ему было очень хорошо с Кэти Лоуган, но от этого он не стал себя чувствовать менее разбитым и усталым. Требовалось лишь одно – выспаться.

* * *

Через три месяца после того, как Маклейн передал для публикации все, что знал о том давнишнем, не расследованном до конца деле об убийстве, его компаньон Майк пришел домой днем, раньше обычного, и застал свою жену Джоан в постели со старым школьным приятелем. Маклейны всегда знали, что когда-нибудь Джоан выкинет нечто подобное, но не в такой острый и неподходящий момент. Джоан привыкла к тому, что ей все сходило с рук, и была решительно настроена против тех, кто старался вразумить ее, как это пытались делать Маклейны. К тому времени Джон и Карен формально были в разводе, но это мало влияло на их совместную жизнь.

Тогда он еще не знал, что агентство уже приобретало известность по всей стране. Пока они с Майком работали вместе, у Маклейна была возможность расширять дело, поскольку Майк вел учет и занимался повседневными проблемами агентства. Теперь же Майк был морально раздавлен. Прошел еще год, прежде чем Маклейн смог убедиться, что он безнадежен; к этому времени у Майка возникли новые проблемы, так как Джоан подала на него в суд. Маклейн хотел, чтобы Майк вышел из дела, но это означало, что он должен вернуть компаньону сумму, равную двухлетнему заработку, на значительную часть которой претендовала Джоан и ее адвокат. В течение восемнадцати месяцев Маклейн получил семь займов, закладывая и перезакладывая свое имущество, уплатил по счетам, удовлетворив всех кредиторов, в том числе и Майка. К сожалению, между ними произошла личная размолвка. На протяжении десяти лет Маклейн ничего не слышал о Майке.

Маклейн знал, что утряс бы все проблемы с Майком, если бы не его собственные заботы. Все это время он был в крайне затруднительном финансовом положении, и от окончательного разорения его уберегли только собственное здоровье, опыт и знания. Терпению Карен всегда существовал предел.

На той неделе, когда он выплатил последние долги, мать Маклейна положили в больницу. Отец заверил его, что она поправится, и Маклейну очень хотелось верить в это. Теперь она была необходима ему как никогда, он это чувствовал, но она сгорела буквально за месяц и умерла. Маклейн пережил потрясение, которое невозможно было себе представить. В тот год он выплатил по долгам семьдесят три тысячи долларов и пристрастился к спиртному. Он знал, чем все это может кончиться, но ему было наплевать.

* * *

Пилот сообщил, что над районом Лос-Анджелеса наблюдается сплошная облачность, но дождя нет; в 5 часов вечера температура была 18° по Цельсию, эта информация вызвала радостные возгласы пассажиров. Горы Сан-Бернадино лежали справа, возвышаясь над долинами, покрытыми толстым слоем грязно-желтого месива. Затем показались с полдюжины высоченных зданий в центральной части города, утопающих в огнях рождественской иллюминации. Огромная, недавно подновленная надпись на холме была едва видна: «Голливуд». Когда он видел ее в последний раз, она читалась: «Гулливод». Он чувствовал, что странность Лос-Анджелеса обволакивает и затягивает его. Стефани жила здесь более десяти лет, и она любила этот город. У нее был славный дом на одной из красивых улиц Санта-Моники, но даже в нем он испытывал необъяснимый страх перед причудливыми силуэтами пальм, выступающими на фоне мрачного желтого неба.

Внизу пробегали улицы. Шасси выпущены, и «Боинг-747», чиркнув, опустился на посадочную полосу аэропорта, известного во всем мире по буквам на багажных ярлыках – ЛАКС. Маклейну казалось, что это в характере города. Его сосед вздохнул, и Маклейн посмотрел на него: человек улыбался так, словно пережил пытку страхом. В последний раз Маклейн обратил

на него внимание в неуютном и мрачном Сент-Луисе; и вдруг он похолодел, чувствуя, что кто-то преследует его.

18.02, тихоокеанское поясное время

– Мистер Маклейн?

Его ожидал пожилой чернокожий человек со слегка поседевшими усами. Он был одет в ливрею, на голове – форменная фуражка, на шее – черный галстук.

– Меня послали встретить вас, сэр.

– Сегодня, в праздничный день? В этом нет необходимости. Вам следует быть дома, с семьей!

– Мне заплатят, сэр, – сказал он, улыбаясь. – Миссис Дженнаро попросила отвезти вас к ней в офис.

Это меняло дело.

– Мне надо получить багаж.

– Я позабочусь об этом, сэр. Дайте мне квитанции.

Маклейн удивился тому, что Стеффи взяла на себя труд организовать ему встречу, которая нисколько не обрадовала его, особенно при виде семидесятилетнего старика, таскающего его чемоданы.

– Пойдемте, – сказал Маклейн. – Может быть, вы успеете попасть домой вовремя.

– Хорошо, сэр.

Потребовалось двадцать минут, чтобы получить багаж, и еще десять, чтобы вывести с парковки огромный черный «кадиллак» и влиться в транспортный поток, направлявшийся на восток. Водитель включил кондиционер и стереомагнитофон. Салон наполнился беспорядочными звуками. Маклейн попросил вырубить и то, и другое. Мотели, вытянувшиеся вдоль бульвара Сенчюри, пестрели сезонными приветствиями, зазывая отдыхающих, о чем свидетельствовали надписи на маркизах. Маклейн закрыл глаза и с надеждой подумал, что, может быть, сегодня Стеффи не затеяла серьезных приготовлений. Она неоднократно говорила, что он становится раздражительным, хотя на самом деле все объяснялось проще – он не совсем понимал и не принимал нынешний образ жизни своей дочери.

Она была помощником вице-президента по международной торговле компании «Клаксон ойл». Не бог весть как звучит, но должность солидная и хорошо оплачивалась. По подсчетам Маклейна, его дочь получала более сорока тысяч долларов плюс дополнительные вознаграждения. Проблема заключалась в том, что она жила на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая: большой БМВ, три отпуска в год, кроме того, ресторанные счета, членство в клубах и кредитные карточки – и все это с таким размахом, какой даже трудно было себе представить. Да, конечно, это была ее жизнь, поэтому он молчал, но в душе он был глубоко убежден, что она не знает меры. Дети были ухожены, у них было все необходимое, и они делали значительные успехи, чем немало поражали Маклейна. Он любил их и посылал им подарки в течение года, но видел, что едва знает их и не понимает их жизни.

Их разделяло не только расстояние, но и время, не считая того, что они и Карен сделали со своей семьей.

Стеффи первый год училась в колледже и не жила дома, когда они подошли к последней черте своих мучений. Он так никогда и не понял, как на протяжении всего времени строились их отношения. Когда-то Карен вместо того, чтобы обратиться к нему, позволила втянуть себя в очень нехорошее дело. Он решил, что она испугалась. Они не виделись в войну несколько лет, после чего им так и не удалось сблизиться вновь, как в дни их молодости, когда они были вместе. Они изменились и продолжали меняться, так и не поняв, что разочарование и чувство взаимной обиды были порождены разрывом. Он сознательно скрывал это, она же считала, что

должна поступать так же. В своей жизни он совершил тысячи ошибок, но самой непростительной ошибкой было то, что он не разглядел в Карен личности. А она была личностью!

– Я так больше не могу, – сказала она однажды вечером, держа стакан, поскольку это был период, когда они пили вместе. – Прости, Джон, но я постоянно думаю об этом и больше не могу вынести этого ни минуты. Ты оказался не тем человеком, каким я тебя представляла, когда мы познакомились. Не то чтобы я не знала, кто ты такой. Нет, я знаю, кто ты: ты – деловой человек, который половину времени бывает в отъезде и у которого такая секретная или тайная работа, что он не хочет или не может обсуждать ее со мной, – если бы она хоть чуть-чуть интересовала меня. Но как меня это может интересовать и что это за работа такая? Мне не интересно, имеет ли персонал право несанкционированного доступа к компьютерам. И я не хочу обсуждать, на какой высоте оказалась полиция при сдерживании толпы во время недавних событий в городе Префронталь, штат Небраска. Джон, я понимаю, что все это очень важно, но не для меня, я устала от всего этого. Я устала от того, что после всех этих дел ты лежишь ночью в постели как бревно бесчувственное, ни на что не способный. Я устала ждать будущего, которого никогда не будет. Я хочу вычеркнуть тебя из своей жизни, и чем быстрее, тем лучше. Нельзя сказать, что я тебя не выношу, просто я тебя больше не люблю. Вот так. Когда у нас дело доходит до постели, я готова убить тебя. Уходи, Джон. Уходи сейчас же.

К рассвету он был пьян и на протяжении следующих двух лет практически никогда не был трезвым более восьми часов в день. Временами он был просто отвратителен. Пьяный, он звонил Карен в полной уверенности, что хочет оправдаться. На самом же деле он искал случая возобновить старые споры. Такой долголетний и неудачный брак, как у них, напоминал дом, наполненный призраками, в котором они поселились, облюбовав комнаты наверху, где в течение двадцати лет никто не жил. И они боролись с этими призраками, постоянно выясняя, кто виноват и в чем.

Стефани была в курсе всех их дел, поочередно выслушивая то одного, то другого. Она бросила школу и вызвала их из Пуэрто-Рико. Это довело до бешенства Карен, которой даже пришлось лечиться, а Маклейн две недели харкал кровью, пытаясь убедить себя, что это убьет их всех. Когда Карен увидела его в следующий раз, он был трезвым и уже прекрасно понимал, что их брак распался окончательно и он должен заново строить свою жизнь. Больше он не сталкивался с ней.

Кто бы мог подумать, что менее чем через восемь лет она умрет!

* * *

Ему и раньше доводилось бывать в «Клаксон-билдинг» – сорокаэтажном здании, похожем на колонну, – на бульваре Уилшир. Он достаточно хорошо знал город и понял, что старый шофер выбрал самый лучший маршрут, который пролегал к северу от скоростной автострады, ведущей из Сан-Диего в Уилшир, а затем поворачивал на восток через Беверли-Хиллз, мимо магазинов и отелей, неподвижных пальм и сверкающей рекламы.

Девяносто процентов зданий в Лос-Анджелесе состояли из двухэтажных особняков и контор. Лос-Анджелес являлся олицетворением подлинной гражданской гордости, которая выразилась здесь в создании самых красивых в мире жилых районов. Но на облике города сказалось влияние еще одного фактора – кричащей безвкусицы, порожденной безудержной властью денег, охватившей в том числе и Стефани. Следствием этого стало появление пиццерий, этих вульгарных заведений, которые одним своим видом и зазывными надписями типа: «А вы давно ели пиццу?» – вызывали отвращение и чувство брезгливости. Хуже всего было другое: вы уезжали из города с убеждением, что если убрать рекламу, выключить освещение, а вывески на офисах уменьшить до нормальных размеров, то город будет похож на драную кошку.

Проблема состояла в новизне этого места. Еще совсем недавно, в пятидесятые годы, большая часть Лос-Анджелеса и его пригородов лежала нетронутой. А лет десять назад, когда Маклейн впервые приехал сюда, еще только предстояло возвести самые важные участки скоростной автомагистрали, а в самом городе то здесь, то там велось разрозненное строительство. Теперь Лос-Анджелес считался первым мегаполисом постиндустриального общества, гигантским городом будущего, спавшим безмятежным сном младенца под пенистыми облаками порочного неба.

– Вы живете в Лос-Анджелесе?

– Нет, сэр. Я живу в Комптоне, штат Калифорния.

Калифорнийцам нравится произносить это слово. Если бы дело происходило в Нью-Йорке или Чикаго, он не услышал бы в ответ: «Вэли-Стрим, штат Нью-Йорк» или «Сисеро, штат Иллинойс». Складывалось впечатление, что здесь, в Калифорнии, люди хотели убедиться в том, что все по-прежнему находится на своих местах, как будто за ночь кто-то мог разбить, разорвать или уничтожить это «все».

Для полиции Лос-Анджелес был сущим кошмаром. То, что город недостаточно разросся и растянулся, объяснялось тем, что Лос-Анджелес – единственный известный Маклейну город, который как бы разрезан горной цепью Санта-Моника, протянувшейся с востока на запад и окаймлявшей такие городки как Бел-Эйр, Шерман-Оукс и Студио-Хилс, а также стоящий особняком Беверли-Хиллз. Наземное патрулирование во многих отношениях было неэффективным, поэтому полиция пересела на вертолеты. Идея оказалась стоящей. Можно было на время убежать от стрекочущей машины, повисшей у вас над головой, но спрятаться от нее было нельзя.

«Кадиллак» миновал скоростную автомагистраль и теперь направлялся на восток, к Уилшеру, через фешенебельный район Уэствуд. Слева возвышался Бел-Эйр, укрывшийся за фасадами роскошных особняков. На протяжении следующих пяти миль то и дело встречались дома стоимостью в миллион долларов. В этом городе жили люди, у которых раньше не было ни гроша за душой, и вдруг они по-настоящему разбогатели; поэтому теперь они имели все, что хотели, и им было наплевать, сколько это стоило. «Роллс-ройс» выглядел здесь уместнее, чем в Индии в период всемирной славы Раджа Капура. По всему миру рушились старые режимы, и деньги текли сюда непрерывным потоком. За несколько лет Лос-Анджелес превратился в самый дорогой, коррумпированный и опасный город на планете.

– Что вы будете делать на Рождество?

– Буду смотреть телевизор, все программы подряд. Мой сын установил широкоэкранную аппаратуру и проектор.

– Он занимается электроникой?

– Нет. Это мой младший сын, ему двадцать один год. Он артист, но у него золотые руки. Он взял обыкновенный телевизор, линзу, экран, и – пожалуйста, готово. Четыре фута по диагонали, как в кино. Рамы сдохнут от зависти в этом году. Знаете, наш старый мир становится каким-то другим.

Маклейн согласился, но не поддержал разговора. Он уже наслушался сегодня о случаях из личной жизни незнакомых ему людей. Было приятно сознавать, что молодое поколение больше не испытывало страха перед новой технологией, как это бывало с ним, когда предстояло освоить модель «А» или биплан. Но между его поколением и нынешним было существенное различие. Старая технология бросала людей по всему свету и заставляла общаться друг с другом. Современная же – разъединяла; она предназначалась для потребителей, уединившихся в отгороженных ячейках многоквартирного муравейника, и живших, как скот, выращиваемый для бойни.

Даже люди здесь были другие. Встречались эксцентричные, как англичане: они с завидной энергией копались в себе в поисках каких-либо талантов. Отсюда по всему миру пошли

хула-хупы. И скейтборды. И рестораны, и кинотеатры для автолюбителей на открытом воздухе. Здесь попадались люди, которые столь трепетно относились к изобретениям, сделанным некогда для себя, что каждое Рождество приезжали сюда, чтобы поваляться на пляже и пожариться на солнышке, и неважно, что вода была слишком холодной для купания.

Уилшир выглядел совершенно пустынным. Изредка то там, то здесь проезжала машина. Какая-то женщина тащила за поводок безобразно жалкую собаку. Рождественский город. Один квартал магазинов сменялся другим, в каждой витрине – обилие ненужных украшений; промелькнул Беверли-Хиллз и снова – погрузившийся в темноту Лос-Анджелес. В Маклейне крепло ощущение, что это – его город. За два квартала до «Клаксон-билдинг» им попался единственный на всю округу автомобиль – грузовик, припаркованный у тротуара. Светофор переключился, и «кадиллак» остановился на другой стороне улицы, напротив главного входа в здание.

– Мистер Маклейн, вы идите, а я отнесу ваш багаж в гараж, в машину миссис Дженнаро. Скажите ей, что ключи будут лежать под передним сиденьем – она знает. А вам я желаю счастливого Рождества.

– Спасибо. Желаю вам того же. И берегите, глаза.

– Буду помнить. – Он широко улыбнулся, этот счастливый отец любящего сына. – Спасибо.

Маклейн заметил, как вдалеке кто-то медленно подъехал к тротуару. Это был большой седан марки «ягуар». Когда-то у него был такой же, но, увы, это было в конце шестидесятых годов. Правда, машина доставляла ему одни неприятности, а радости – никакой, поэтому и пришлось избавиться от нее. Эта же была в отличном состоянии. В машине кто-то сидел. На капоте – антенна. «Кадиллак» выехал вперед на освещенное пространство перед «Клаксон-билдинг».

Маклейн попрощался с водителем и поднялся по небольшой лестнице, но снова подумал о машине и обернулся. Человек за рулем держал у лица микрофон переговорного устройства и, несмотря на то что находился на значительном расстоянии, заметил, как Маклейн смотрит на него. Микрофон поспешно опустился. Значит, Маклейн увидел нечто такое, чего не должен был видеть. Вся беда была в том, что этот парень тоже так подумал. Маклейн пересек небольшую площадку, расположенную на возвышении, и подошел к стеклянным дверям, у которых за столом сидел белый пожилой человек в серой униформе и читал газету. Что ж, возможно, это чистая случайность, но все-таки интересно. Сейчас он находился вне поля зрения «ягуара». Старик увидел Маклейна и поднялся, чтобы открыть ему дверь.

– Меня зовут Джон Маклейн. Меня ждут. Вы бывший полицейский?

– Да, сэр.

– Я тоже. Сейчас достану бумажник.

Старик внимательно ознакомился с удостоверением Маклейна.

– Раньше не приходилось видеть таких, правда, уже пятнадцать лет как я не служу. Солидный вид и печать хорошая, выпуклая. Я знаю, что вас ждут. Чем могу помочь?

Маклейн рассказал ему о «ягуаре». Старик прищурился и посмотрел в сторону Уилшера, хотя с того места, где он стоял, ничего не было видно.

– На противоположной стороне улицы находятся ювелирный магазин, семейная лавка по продаже спиртных напитков и гастроном. Сегодня все закрыто. Хорошо, я позвоню куда следует. Вам надо подняться на тридцать второй этаж вон на том лифте. Не понимаю, черт возьми, что нынче происходит с людьми. Помните, раньше дежурство в рождественскую ночь было отдыхом? Ну, один-двое порежут кого-нибудь и все.

– Вот-вот. А когда вы приезжали на место преступления, то убийца сидел на стуле и продолжал объяснять своей жертве, как она была неправа.

– Да, такого Рождества уже больше не будет. Все это – в прошлом.

– Сегодня у них много работы? – спросил Маклейн.

– Эх, если бы люди знали, как приходится вкалывать полицейским несколько ночей в году, они согласились бы платить им сумасшедшие деньги. Если у вас есть оружие, мы можем сами потревожить этого типа.

– Ладно, оставим это, – сказал Маклейн. – Столько детей празднуют Рождество, ведь с ними как-то надо управляться? Я посмотрю сверху. Оттуда видно?

– Нет, вечер проходит с противоположной стороны здания.

– Вечер?

– Да, там происходит нечто необыкновенное. Они провернули какое-то дело с арабами или еще с кем-то. Там полно молодежи, детей, да кого там только нет! Около полуночи, перед тем как индюк начнет кулдыкать, я должен подать сигнал.

Подражая индюку, старик сорвался на фальцет. До Маклейна дошло, наконец, что он изображал Гарри Купера в кинофильме «Сержант Йорк», но тут двери лифта закрылись, и Маклейн, щелкнув пальцами, громко выругался:

– Черт!

С кем разговаривал этот сукин сын в «ягуаре»? Где тот находился? Грабить ювелирный магазин или гастроном им вроде бы ни к чему. Что же они замышляют?

19.14, тихоокеанское поясное время

Маклейн действительно не знал, как Стеффи получила эту работу. Она приехала сюда с Дженнаро, своим мужем, после окончания колледжа. В тот момент она не разговаривала со своей матерью, а отношения с отцом только начали налаживаться. Дженнаро был поразительно похож на Маклейна: аккуратный, с коротко подстриженными темными волосами – тогда длинные волосы еще не были в моде. Маклейн к тому времени уже почти поседел, но можно было безошибочно сказать, почему его дочь свой выбор остановила на Дженнаро. Возможно, неосознанно, но Дженнаро из кожи вон лез, стараясь произвести хорошее впечатление. Он относился к числу тех парней, которые преданно смотрели в глаза собеседнику. Для полицейских это было верным признаком лгуна, но Маклейн закрыл на это глаза, поскольку переживал период компромиссов с самим собой. Он считал, что замужество, особенно первое, будет для Стеффи шагом вперед.

Дженнаро сообщил ему, что они едут в Калифорнию. У него была степень магистра в области управления бизнесом и кое-какие связи, которые он завязал еще в колледже. Он работал, по его словам, в «проектном совете». «Черт возьми!» – ругался про себя Маклейн, прекрасно понимая, что он уже потерял всякое влияние на дочь.

Теперь Маклейн даже не знал, платит Дженнаро алименты на детей или нет. Какое-то время он жил с одной актрисой в Малибу, посещал все нужные вечера, а несколько лет назад Стеффи сообщила Маклейну, что он перебрался в Энсино – район, расположенный где-то к югу от бульвара, что должно было говорить само за себя. По словам Стеффи, в этот период он старался быть хорошим отцом для Джуди и Марка – ерунда, конечно, поскольку за все время Маклейн ни разу не слышал, чтобы дети упоминали его имя.

По мере того, как лифт приближался к тридцать второму этажу, он стал различать едва слышимые звуки. А когда двери с грохотом открылись, на него обрушился шквал пульсирующего диско. На стенах то и дело мелькали яркие вспышки. Боже! И Стефани хотела, чтобы он отыскал ее среди этого сумасшествия! Неужели и дети здесь? Человек шесть гостей с напитками в руках высыпали в коридор. Разбившись на парочки, они начали дергаться в такт музыке. За ними в темноте виднелось помещение, занимавшее, казалось, всю юго-западную часть здания; там пятьдесят-шестьдесят взрослых и подростков дружно топали под оглушительный рев музыки, которая, может быть, и была верхом акустического совершенства, но от всего

этого диковатого действа пол, сделанный из предварительно напряженного бетона, дрожал, как стены деревянной риги во время молотьбы.

– Привет, – обратилась к нему блондинка, – счастливого Рождества. Вы не курите эту дрянь? Настоящий товар из Колумбии.

– Доктора в санатории мне не советовали. Вы знаете миссис Дженнаро? Она назначила мне здесь встречу.

– А вы знаете, как она выглядит?

– Это я всегда знал. Все-таки я ее отец.

– Господи Иисусе, простите. Извините. Одну минутку. – Она вышла на середину коридора. – Видите ту дверь? Это офис мистера Эллиса. Последний раз я видела ее там вместе с другими шишками. О, Господи, извините. Забудьте, что я сказала, ладно? Пожалуйста. Передайте ей, что Дорин желает ей счастливого Рождества и шлет свои поздравления.

– С чем?

– С тем.

– Что значит с тем?

– А вы не знаете? Мистер Эллис и миссис Дженнаро только что провернули сделку на сто пятьдесят миллионов долларов. Идите, сами все узнаете. Пусть она вам расскажет, а потом возвращайтесь и присоединяйтесь к нам. Уж мы позаботимся о вас.

– Я староват даже для вашей матери!

– Но не для меня, ох, вы, хитрец!

Он подмигнул ей и послал воздушный поцелуй.

– Это отец Дженнаро, – сказала она, хихикая и, по-видимому, считая, что он ее не слышит. Он не обернулся, потому что ему не очень понравилось, как она произнесла имя его дочери.

Столбы в большой комнате были сдвинуты к стене, чтобы было где танцевать, и Маклейну пришлось протискиваться сквозь плотную толпу зрителей. Дверь в кабинет Эллиса вела через приемную секретаря, обстановка которой отличалась настоящей роскошью и резко контрастировала с кричащей отделкой из металла и пластика за пределами офиса. Толстое ковровое покрытие зеленого цвета, стены, обшитые панелями из красного дерева, потолок из витражного стекла – и все это для секретаря? Как и все, руководители компании «Клаксон» использовали преимущества, предоставляемые новым законом, по которому расходы, связанные с производственными нуждами, не включались в сумму, подлежащую обложению подоходным налогом, поэтому они создавали себе такие условия и удобства, что у любого фараона от удивления отвисла бы челюсть. Дверь в кабинет была приоткрыта, однако грохочущая музыка, сотрясавшая пол под его ногами, мешала Маклейну услышать, о чем шел разговор. Он постучал по дверному косяку.

– Кто там? Войдите.

Трое мужчин, сидевшие на стульях, повернулись к нему. Стеффи, сидевшая на диване, вскочила.

– Папочка! Счастливого Рождества! Как ты вовремя! – Она бросилась к нему через комнату, обняла и поцеловала в щеку. В его руках она как-то обмякла и потяжелела, что ему не понравилось. Обхватив его за талию, она повернулась к мужчинам, которые уже встали, и представила его. Эллис стоял за своим столом, ему было за сорок; человек одного возраста с Маклейном был родом из Техаса, его звали Риверс, и он был исполнительным вице-президентом по вопросам торговли; молодому человеку по имени Мартин Фишер было за двадцать, и он был новым помощником Стефани.

Риверс первым пожал ему руку.

– Добро пожаловать, мистер Маклейн. Рады видеть вас, это большая честь. Мы слышали о том, что произошло с вами в Сент-Луисе. Но, судя по вашей ране, ничего серьезного?

Стефани посмотрела на его лоб. Риверс обратился к Фишеру.

– Вы знаете, сколько немецких самолетов он сбил?

– Да. – Фишер смотрел на Маклейна, пытаясь вспомнить, что ему говорили о человеке, стоящем перед ним.

– Это уже древняя история, – пришел ему на помощь Маклейн. – Даже ваши родители уже ничего не помнят.

– Неправда, – возразил Эллис, выходя из-за стола. – Это не так. Добро пожаловать. Это очень торжественный момент и самый незабываемый день в нашей жизни. – И он с преувеличенной энергией потряс Маклейну руку, чем сразу насторожил и оттолкнул его.

– Я слышал что-то о ста пятидесяти миллионах долларов.

– Правильно, – сказал Эллис. – Это крупнейший контракт, когда-либо заключенный «Клаксоном», не касающийся поставки продуктов нефтехимии.

– Мы будем строить мост, папа. В Чили.

– Покажите ему те часы, – предложил ей Эллис.

– Он увидит их позже, – последовал ответ.

– Мистер Маклейн, у меня в кабинете наверху есть макет этого моста, – произнес Риверс.

– Зовите меня Джон. А то я чувствую себя седобородым старцем, когда вы обращаетесь ко мне таким образом, будто я Санта-Клаус.

«Или Счастливчик Линди», – подумал он, уступив натиску внезапно нахлынувших воспоминаний, которые вихрем окружили его, словно листья на ветру.

– Сам я воевал в южной части Тихого океана, – сказал Риверс.

– Была б моя воля, я рассказал бы обо всем в картинках на вкладышах к жвачке, – ответил Маклейн. – Стеф, если можно, мне надо привести себя в порядок. Вот уже четырнадцать часов как я на ногах. И хотелось бы позвонить.

– Что-нибудь случилось? – поинтересовался Риверс.

Маклейн покачал головой. Он действительно думал о старом полицейском внизу, но то, что он увидел на столе Эллиса, – свернутый в трубочку долларовый банкнот – заставило его быть осторожным.

– Хочу позвонить в Сан-Диего, – Маклейн улыбнулся дочери. – В самолете произошло нечто приятное.

– Ах ты, старый развратник, – пожурила его Стефани. – Ты летел рейсом на Сан-Диего? Тогда она еще не добралась до дома.

– У дамы есть секретарь-телефонистка или автоответчик. Правда, она не говорила этого, но бьюсь об заклад, что есть.

– Быть полицейским – значит иметь шестое чувство, не так ли? – спросил Риверс.

– Скорее, уметь сопоставлять и анализировать, – ответил Маклейн, избегая смотреть на Эллиса.

– И кто же она? – спросила Стефани, дергая отца за пиджак.

– Стюардесса, – сказал он. – Не беспокойся, она старше тебя, но ненамного. А что это за часы?

– Я купила себе подарок. Почему ты назвал ее стюардессой?

– Обычно я называю их помощниками по полету. Но в данном случае я хотел, чтобы все поняли: речь идет о женщине.

Мужчины рассмеялись, и это заставило Стефани покраснеть.

– Мы все слышим, – изрек Эллис. – Все мы учимся по-новому смотреть на вещи.

– Надо не смотреть по-новому, а не истолковывать превратно, – ответила она, улыбаясь. Маклейн повернулся к Риверсу.

– Позднее я с удовольствием посмотрю макет.

– Пожалуйста.

«С кем ей спать – это дело Стефани. Она уже в том возрасте, когда знают, что служебные романы кончаются бедой», – но ему не понравилось предположение, что Эллис – кокаинист. Под внешним лоском коммерсанта в нем скрывался самый страшный тип людей, с каким Маклейну когда-либо приходилось иметь дело. Стефани так и не смогла извлечь урок из своей жизни, и Маклейну оставалось лишь одно – смириться и с тяжелым сердцем признать, что он бессилен помочь ей. Он еще раз обнял ее.

– Воспользуюсь твоим офисом. Я знаю, где он находится.

– Я пойду с тобой, – сказала она. – Здесь делать нечего – знай, сидим и только нахваливаем себя.

– Она всегда такая, – обратился Риверс к Маклейну. – А она многое вложила в это дело. Без нее оно не тронулось бы с места.

– Великолепно, – ответил Маклейн.

* * *

В офисе Стефани, расположенном в противоположном тому месту, где происходил вечер, углу здания, Маклейн подошел к окну и посмотрел вниз на улицу. «Ягуара» не было. Да, спугнул он парня или заставил изменить свои планы.

Джуди и Марк находились здесь, затерялись в темноте, смешавшись с толпой. Организация вечера была идеей Риверса. Сегодня утром позвонили из Сантьяго, и все будто с ума посходили. Сделка оказалась трудной, переговоры с правящей хунтой велись осторожно, все хранилось в секрете. Усилиями «Клаксона» она оставалась в тени, потому что она была женщиной, и это бесило ее. Риверс убедил ее, что доля вознаграждения, причитавшаяся ей, будет не меньше, чем у других. Ну что ж, поживем – увидим.

Маклейн подумал, что Стеффи выглядит усталой. На протяжении многих лет у нее было пять фунтов лишнего веса, теперь, похоже, – все десять. Если она кокаинистка, то ему еще надо радоваться, что она не потеряла аппетит. Но выглядит изможденной. Может быть, через несколько дней она захочет выслушать его, но не теперь. Единственное, что он хотел сказать ей, – то, как он гордится ею.

– Чтобы связаться с городом, набери девятку, – объяснила она. – Все необходимое найдешь в ванной. Встретимся в противоположной стороне здания.

Маклейн помахал ей. Сначала он нашел служебный телефонный справочник и набрал номер главного входа. Вахтер приветствовал его.

– Это Маклейн, тот, который только что прибыл. «Ягуар» уехал.

– Хорошо, я сообщу об этом. Не повредит. Может быть, этот парень ошивается где-нибудь по соседству, и они схватят его тепленьким. Как там идет веселье?

– Дым коромыслом, просто оглохнуть можно. Счастливого Рождества.

– К черту, у меня работа.

Маклейн решил позвонить Кэти Лоуган сегодня вечером, но не сию минуту, а попозже. В ванной все свидетельствовало о том, что Стеффи в полной мере научилась пользоваться своими льготами. Все выглядело так, словно здесь был будуар леди, только с душем и полностью оборудованным медицинским кабинетом. Приняв еще две таблетки аспирина, Маклейн снял пиджак и галстук, расстегнул воротник и закатал рукава. Затем расстегнул перевязь и положил браунинг на пиджак. В течение многих лет ему удавалось выходить сухим из воды и обходиться без оружия, но потом сверху был спущен приказ. Безоружный, он был опасен не только для себя самого, но и для других, да и практика показала, что пользоваться браунингом он умеет. Он всегда отлично стрелял, а сейчас, в этом возрасте, благодаря тренировке он стрелял еще лучше.

Маклейн не хотел, чтобы браунинг мозолил ему глаза, поскольку мысли его были заняты Эллисом. Скрученный долларовый банкнот – доказательство того, что он употреблял кокаин, – выдал парня с головой. Вот недоумок. Недоумками их звали в Лос-анджелесском полицейском управлении, поскольку эти ребята были уверены, что в отчаянном стремлении удовлетворить свои дрянные страстишки они могут обдурить власти. Не тут-то было. И Стеффи спала с этим типом! Маклейн хорошо знал свою дочь. Она всегда что-то пыталась доказать – своей матери, ему, Дженнаро, Эллису и всем мужчинам.

В любом случае Маклейну необходимо быть осторожным. В кабинете Эллиса он ушел от разговора о полицейской работе, потому что увидел долларовый банкнот. Марихуану, не боясь, курили все и везде, особенно в Калифорнии, однако кокаиновый бизнес переживал нелегкие дни преследования, поэтому трудно было предугадать поведение людей, которым вдруг намекнут, что впереди их ждут годы тюрьмы. Лучше быть таким же немногословным, каким, по мнению Эллиса, был Риверс. К глубокому разочарованию Маклейна, Стеффи недооценивала и его, своего отца. Она забыла о его жизненном опыте, который Риверс назвал шестым чувством.

Риверс понравился Маклейну не больше, чем Эллис, и не потому, что так заискивающе молол эту чушь о войне. Риверс был таким же жуликом, делягой, как и Эллис, только малость получше. Он подкупал своей техасской простотой, а простота, как известно, хуже воровства. Многим жителям восточных штатов так никогда и не удавалось понять этого, и техасцы всегда оказывались в выигрыше.

Техас – это другая манера поведения, другой подход, практически другая культура. Техасцу недостаточно просто обчистить кого-то, например вас; вы должны при этом с благодарностью смотреть ему в глаза, улыбаться и пожимать руку. Именно таким и был Риверс – образчик льстеца и подлизы. Одно утешало: Эллис считал себя не хуже Риверса, в чем сильно заблуждался.

* * *

Чувствуя себя разбитым после длительного путешествия, Маклейн попытался взбодриться: подставил голову под кран с холодной водой так, чтобы не намочить пластырь на лбу, окатил сзади шею и по локоть ополоснул руки. Потом он энергично растерся, чтобы кровь прилила к коже. Состояние улучшилось, ощущалась лишь внутренняя усталость, но спать больше не хотелось, и он мог еще несколько часов провести на ногах.

Он снял ботинки и носки. В шестидесятых годах, когда он впервые отправился по делам в Европу, он оказался в самолете рядом с пожилым немцем, управляющим американским филиалом одной оптической фирмы, который, начиная с первой четверти двадцатого века, пересекал Атлантику более семидесяти раз. Маклейн сказал, что работал на заводах Форда, изучая экономические преимущества поставки запчастей по воздуху, с тем чтобы сократить число кораблей, занимающихся транспортными перевозками. Старик без умолку разговаривал в течение всего полета от Вирджинии до Гамбурга, а Маклейн слушал его.

Старик знал Гитлера, которого называл крестьянином, не способным сформулировать собственное мнение. Из всех способов пересекать океан, которые он перепробовал за свою жизнь, этот, по его мнению, был самым безопасным. Почти два дня вы проводите в компании настоящих дам и джентльменов, преодолевая расстояние со скоростью сто миль в час на высоте в тысячу футов. «Да, удивительный был человек, просто кладезь премудрости». Если бы старик спросил его, что он делал во время войны, Маклейн солгал бы.

– Хотите – открою вам один секрет, господин бизнесмен? В конце дня, если вы падаете от усталости, помойте ноги, затем походите босиком минут десять, и вы снова почувствуете себя бодрым. Ощущение будет просто потрясающим.

Старик оказался прав. Поднимаясь и опускаясь на пальцах, в брюках с закатанными до колен штанинами, Маклейн перенес телефон дочери к окну, придерживая, поставил его на колено, набрал девятку, затем единицу, чтобы связаться с междугородней, потом код Сан-Диего и, наконец, номер Кэти Лоуган, который он помнил наизусть.

После двух гудков включился механический автоответчик.

– Привет. Я Кэти Лоуган. Сейчас меня нет дома, но, если вы сообщите свое имя и номер телефона после того, как услышите сигнал, я верну вам ваши десять центов. Или, может быть, позвоню. Так кто вы? Кончайте скалиться и говорите.

Ох уж эта Калифорния! Маклейн громко рассмеялся, когда услышал ее голос. С высоты тридцать второго этажа он увидел, как далеко внизу, со стороны Уилшира в переулок въехал грузовик и быстро спустился по пандусу в подземный гараж, расположенный под площадкой, опоясывающей здание. Маклейн стал перебирать в уме недавние события. Грузовик ехал слишком быстро, но не это привлекло его внимание.

– Кэти, это Джон Маклейн, с сегодняшнего дня – ваш друг из Сент-Луиса. Спасибо вам. Завтра у вас должен быть чудесный день. Я позвоню вечером и напрошусь на встречу с вами. Думаю, мы могли бы встретиться в Сан-Франциско.

Связь прервалась. Лента кончилась? Нет, непохоже. Нет низкого гудка. Телефон молчал. Он постучал по рычажку. Ничего.

Маклейн посмотрел на часы: восемь. Может быть, коммутатор отключается автоматически? Не имело смысла выходить на улицу, чтобы звонить еще раз. Это еще больше собьет ее с толку. Он стоял у окна, уставившись на огни на Голливудских холмах. Кто-то однажды показал ему Лорела Кэниона, но кто это сделал и когда, он не мог вспомнить.

Старый немец не подсказал решения еще одной проблемы – как снова надеть носки. Изменился звук работающей вентиляции, и это заставило его посмотреть наверх. Нет, дело не в этом. Вдруг, неожиданно, смолкла музыка. Он усиленно пытался понять, почему он обратил внимание на грузовик, и тут его осенило: это был тот самый грузовик, который он видел припаркованным в переулке по пути в Уилшир полчаса назад! Теперь ему не казалось странным, что парень в «ягуаре» быстро спрятал микрофон.

Телефон молчал.

И в тот момент, когда Маклейн собрался взять браунинг, он услышал женский крик.

В мгновение ока он был на ногах. Голова была ясной. Он надел перевязь, достал оружие, снял его с предохранителя и дослал первый патрон в патронник.

Маклейн выключил свет и медленно открыл дверь, стараясь сделать это как можно тише. Коридор был пуст, но тут издалека до него донесся резкий, плохо различимый мужской голос.

Надо было решать, что делать, и сейчас же. Его ботинки – в ванной. Если голос отдавал приказания участникам вечера, то через несколько минут его команда обшарит все комнаты на этаже. Это всего лишь вопрос времени. «Сколько их?» Лестница располагалась с другой стороны, за лифтами. Перебегая главный коридор, он не более чем на секунду окажется в поле их зрения, но, если они будут смотреть в противоположную сторону, туда, где была вечеринка, он сможет скрыться незамеченным.

«Так, браунинг. Если у него увидят оружие, то будут стрелять. Если выбросить его, они подберут и будут разыскивать владельца». Нет времени прятать его, но и бессмысленно давать им шанс схватить себя именно теперь, когда у него был жетон нью-йоркского управления полиции, пусть и подаренный ему ради хохмы. Босой, держа браунинг наготове, Маклейн ступил на колючую поверхность коридорного ковра.

По мере того, как Маклейн приближался к лифтам, голос становился громче. Для начала, если удастся, надо бы разузнать, что происходит, но соблюдая хотя бы минимальную осторожность. За пять футов до лифтов он остановился.

Акцент. Маклейн никак не мог разобрать слова. Акцент был едва уловимый: аккуратно построенные, осмысленные фразы свидетельствовали о том, что говоривший учил язык в школе или позднее. Маклейн метнулся мимо лифтов к двери, ведущей на лестницу.

Их четверо, и одного, черт возьми, он узнал! Дьявол! Все вооружены лучшим в мире стрелковым оружием – автоматами Калашникова. Маклейн задыхался от ярости, ругая себя последними словами. Надо было действовать умнее!

Он ждал, затаив дыхание. Пока его не обнаружили. Следовало оценить увиденное, а увидел он немало. Необходимо было все обдумать. Первое очевидное препятствие заключалось в том, что, не имея никакой информации, он не мог эффективно действовать. Наконец он принял решение, осторожно открыл дверь на лестницу, вышел и тихонько прикрыл ее.

Легко перепрыгивая через две ступеньки, ощущая босыми ногами холод шершавого бетона, отправился наверх.

20.19, тихоокеанское поясное время

На тридцать четвертом этаже он остановился. Пока достаточно. Основной свет был здесь выключен. Через окна, занимавшие все пространство от пола до потолка и целиком опоясывавшие здание, Маклейну были видны огни города, мерцавшие на фоне мрачного небосвода, и красные потоки задних габаритных огней автомобилей, стремительно бежавшие прочь. Этот этаж отличался от тридцать второго: он был совершенно открыт и здесь нельзя было укрыться или спрятаться. Пока это было ему на руку.

Он понял, что ему предстоит еще очень многое узнать о здании. Прежде всего, он хотел уяснить планировку его центральной части, а она на всех этажах была вроде бы одинаковой: восемь лифтов, по четыре с каждой стороны, расположенные друг против друга, как танцоры в кадрили. В данный момент он не мог сказать, работают ли лифты, но боялся, пустив один из них для пробы, совершенно некстати обнаружить себя. Четыре лестницы располагались сзади лифтовых секций и выходили к каждому из четырех углов здания. Вечер проводился

двумя этажами ниже в юго-западном углу. Отлично. Если спуститься по этой лестнице, он приблизится к месту событий, но прежде требуется кое-что обдумать.

Он обошел этаж по периметру, изучая улицу. Въехать в гараж можно было из обоих переулков, а пандус прерывался лестницей, ведущей на приподнятую площадку. Вход в здание располагался на уровне второго этажа, как вспомнил Маклейн, он был весь застеклен, поэтому лифты и опорные колонны были как на ладони. Учитывая размеры здания, гараж должен уходить вниз на два или три этажа. На уровне цокольного этажа или под ним размещались отопительная установка, распределительный электрощит и телефонный коммутатор. Очевидно, что защищать здание с нижних этажей было невозможно, но на высоте, на большой высоте, если вывести из строя лифты, его можно оборонять не хуже, чем средневековый замок. Даже штурмовое спецподразделение не сможет захватить его.

Четверо мужчин в джинсах и ветровках, вооруженные автоматами, включили флуоресцентные лампы и согнали всех в центр большой комнаты. Маклейн не видел среди них ни Стеффи, ни Джуди, ни Марка, но заметил Риверса и Эллиса. Они стояли, заложив руки за голову.

Кое-кто в этой толпе скоро может сообразить, что среди них нет Маклейна. Больше всего Маклейн доверял Риверсу, несмотря на свое негативное мнение о характере южанина. Риверс знал, что надо делать, чтобы остаться в живых, – в этом Маклейн не сомневался, чего никак нельзя было сказать о его дочери. Когда-то давно она любила отца и полностью доверяла ему. Однако в последние годы он стал замечать, что раздражает ее своей старомодностью, отсталостью, никчемностью. Но в данный момент она находилась не в своей переоборудованной и модернизированной кухне в Санта-Монике и, учитывая ее положение, подвергалась более серьезной опасности, чем могла себе представить. Человек, которого узнал Маклейн, был убийцей, с упоением делавшим свое дело. Сегодня вечером он не остановится перед убийством, чтобы показать всем, кто хозяин положения.

* * *

Маклейн решил спуститься по юго-восточной лестнице на тридцать второй этаж. Дверь была тяжелая, несгораемая и практически не пропускала звук. Ручка мягко повернулась, защелка беззвучно отодвинулась. Он подождал. Неизвестно, куда они смотрят – в его сторону или в противоположную сторону. Затем он открыл дверь.

Показалась голая стена. Теперь он слышал голос человека настолько отчетливо, что смог разобрать кое-какие слова: «Вы то-то и то-то». Потом нечто вроде «весь мир следит».

Маклейн шагнул в холл. Неплохо было бы знать, что они замышляют и сколько их. За холлом простирался довольно темный коридор длиной сорок футов. Надо обладать необыкновенно острым зрением, чтобы, находясь в залитой ярким светом комнате, разглядеть его в полумраке коридора. Левой рукой он сжимал браунинг. Даже если его заметят, он успеет добежать до лестничной клетки, а поскольку они не знают об оружии, то решат, что он для них не опасен.

Он увидел не то, что хотел. В поле зрения попали один из вооруженных бандитов и часть толпы с заложенными за голову руками. Главарь, человек, которого он узнал, по-прежнему говорил. Маклейн прояснил еще кое-что для себя: говоривший прекрасно знал, что, стоя внизу, он находился в безопасности. Маклейн вернулся на лестничную клетку и поднялся на один этаж.

Подозрение подтвердилось: тридцать третий этаж отличался от тридцать второго и тридцать четвертого, где он уже побывал: ряд крошечных помещений, напоминавших садки для кроликов, из которых можно было попасть в просторные роскошные офисы, тянувшиеся вдоль окон. Кое-где были даже установлены телевизоры. Необходимо было собраться и, не упустив из виду ни одной детали, нарисовать план каждого этажа. Это пригодится на тот случай, если придется бежать сломя голову. Надо знать пути отступления.

Итак, банда. Он видел четверых. Даже при наличии у них радиопереговорных устройств, им необходимы были еще двое внизу: в вестибюле и в диспетчерской. Тот, что в вестибюле, вероятно, в данный момент отсылал обратно полицию. Чтобы пешком спуститься отсюда и выйти на улицу, Маклейну потребуется десять – пятнадцать минут. У него будет преимущество внезапности, и, возможно, ему удастся прорваться. А дальше что?

Что будет дальше Маклейн знал не хуже любого из смертных. Он принимал участие в секретных семинарах и конференциях, на которых разрабатывались планы действия в непредвиденных ситуациях для многих муниципальных полицейских управлений страны. Единственно с этой целью и были созданы штурмовые спецподразделения. В том конкретном случае речь шла о перестрелке, устроенной некоей освободительной армией. Для борьбы с ней бывший начальник Лос-анджелесского управления полиции Эд Дейвис разработал стратегию, основные принципы которой он сформулировал в полном соответствии со своим подходом к решению проблемы воздушного пиратства, от которого отдавал черным юмором: «Всех повесить в аэропорту!»

Итак, стратегия состояла в том, чтобы всех убить.

Сказано сделано: убежище, где скрывались члены освободительной армии, было сожжено дотла, и все, кто находился в нем, погибли.

В Антибе израильский парашютист убил заложника только за то, что тот не подчинился приказу и поднял голову, чтобы посмотреть, что происходит.

Но заложники – уже следующий вопрос. Решить эту проблему можно, поняв природу возникновения такой волны международного терроризма. Лекции, демонстрации слайдов, доклады, составление психологических портретов, материалы, предоставленные десятками правительств и многонациональных корпораций, не оставляли на сей счет никаких сомнений. Все они наталкивали на вывод, что в мире существует широкомасштабная сеть, объединявшая молодых людей в возрасте от двадцати до сорока лет, которые действуют или самостоятельно, или при поддержке других групп. Ими дирижировали, их заботливо выращивали и оберегали в таких заповедниках терроризма как Сирия, Ливан, Южный Йемен и Ливия. Эти люди решили посвятить себя и свою жизнь уничтожению общественного строя в странах некоммунистического мира. По достижении своей цели они собирались создать революционное общество, правда им никак не удавалось договориться по вопросу о том, как они будут это делать. В мозговых центрах разрабатывались различные сценарии возможных последствий на основе опыта Французской революции 1789 года, русской революции 1917 года, продолжительной борьбы

китайского народа, а также недавних событий в Камбодже и Вьетнаме: чистки, резня, геноцид, контрреволюция, новые расколы.

Один маленький толстый академик, гордый тем, что был причислен к сонму «светлых голов» исследованием, наделавшим много шума, выдал такой перл: «Мы прогнозируем тридцать три – тридцать восемь процентов вероятности анархии во всем мире против пятнадцати – двадцати процентов в настоящее время».

Больше проку было от психологов, но самой бесценной оказалась для Маклейна помощь психиатра, составившего портреты пяти конкретных человек. Эти ребята не были сопляками, выходцами из среднего класса, каким их обычно рисовали общественно-политические журналы. Среди них был аргентинец, выросший в семифутовом доме, сделанном из пустых нефтяных бочек, картона и виноградных обрешеток. Еще один – палестинец, воспитывавшийся в лагере беженцев в Бейруте и постоянно видевший перед собой высотные многоквартирные дома и первоклассные гостиницы, но не имевший к двадцати двум годам ни одного зуба. Для них жизнь была бессмысленной, но они надеялись найти спасение в смерти, знали, что умрут, и это объединяло их. Перед тем как идти на задание, они кутили до умопомрачения, пуская по кругу девочек… Один японский парень, в упор расстрелявший из автомата Калашникова тех, кто находился в здании аэровокзала, был перепуган насмерть, но уверен, что рай – в двух шагах от него. Поистине эти люди были исчадием ада, они были олицетворением всего самого подлого и отвратительного, что есть в этом мире.

Что касается сопляков из среднего класса, то они чаще встречались в Европе и Америке. Можно было вспомнить немецкую поэтессу Урсулу Шмидт, воспевшую смерть; итальянских ребят, которые специализировались на медленном умерщвлении политических деятелей, или Кровавого Малыша Тони, тоже из Германии, который упивался драматургией смерти, превращаемой им в некое подобие театрального зрелища. Перед тем как выстрелить в лацкан пиджака своей жертвы, он тщательно расправлял на ней галстук. Он называл это «прикрепить черную бутоньерку».

Именно Малыша Тони – Антона Грубера – Маклейн и опознал в главаре.

По выводам специалистов и по единодушному мнению коллег Маклейна, эти люди были безнадежными психическими больными, поэтому они не останавливались ни перед какими зверствами: ракетой сбивали гражданский самолет, отрезали половые члены, казнили пилота после того, как заставляли на коленях молить о пощаде.

В четверг, предпоследний день конференции, когда Маклейн и большинство других участников собрались в зале, чтобы разбиться на комитеты и подкомитеты, они увидели, что аудиторию – в который раз – обыскивают в поисках подслушивающих устройств. На своем месте перед разложенными бумагами сидел начальник полицейского управления со Среднего Запада. Это был седовласый человек лет шестидесяти с худым бледным лицом, один из самых уважаемых полицейских в Америке. Он настолько плотно стиснул губы, прижав их к зубам, что они выглядели совершенно бескровными. Благодаря его авторитету, конференция шла в нормальном, спокойном русле. Председательствующий предложил нарушить повестку дня, предположив, что возражений не будет, и предоставил ему слово. Больше не было произнесено ни звука, но внимание всей аудитории было уже приковано к начальнику полицейского управления со Среднего Запада. Сидя на своем месте, он приподнял голову и начал медленно говорить.

– Прошу прощения за нарушение повестки дня и обыск помещения, но я провел длинную бессонную ночь. Прежде всего, я хотел, чтобы у вас и у меня была возможность открыто высказывать свое мнение. Чем больше я думал об этой проблеме прошлой ночью, тем глубже ощущал необходимость определить собственное к ней отношение. Эта проблема мучила меня ночь напролет, не давая заснуть. И не только потому, что это самое дрянное дело, с каким мне приходилось сталкиваться за всю мою полицейскую практику, но и потому, что это самая страшная проблема, которую надо решить с человеческих позиций.

Он повернулся и посмотрел на молодых людей, сидевших в последних рядах.

– Для вас, кто не знает меня, скажу о себе следующее: в течение восьми лет я только и делал, что открывал и закрывал двери, потом тридцать три месяца служил в южной части Тихого океана. Я видел все в этой жизни и знаю, какой ужасной она может быть. Вот уже тридцать семь лет я женат на одной и той же женщине, которую люблю сегодня больше, чем в пору моей молодости. У нас четверо дочерей, которые получили образование в колледже, и девять внуков. В субботу я в любом случае уезжаю отсюда – только черти меня и видели, – потому что мы устраиваем барбекю в честь моей восьмидесятилетней тетки. Это младшая сестра моей матери. Она решила, что скоро умрет, поэтому и попросила всех собраться. Нас с ней многое связывает в этой жизни, и я знаю, она очень довольна, что повидаться с ней приедут родственники со всех концов страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.